

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Coe) 44
Д80

Penelope Douglas
UNTIL YOU

Печатается с разрешения издательства New American Library, an imprint of Penguin Publishing Group, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Andrew Nurnberg

Оформление обложки *Екатерины Климовой*

Дуглас, Пенелопа

Д80 До тебя: роман / Пенелопа Дуглас; пер. с англ. А. Маркеловой. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Newromance).

ISBN 978-5-17-119338-6

Я люблю ее так сильно, что ненавижу.

Когда-то мы были друзьями, но Тэйт предала меня. Она и все, кому я когда-то мог доверять. Я остался совершенно один.

И я оттолкнул ее, ранил ее так больно, как только мог...

Но я все еще нуждался в ней — она оставалась центром моей вселенной и сосудом, куда я мог выплеснуть свой гнев. Только так я мог дышать, существовать и чувствовать себя живым.

Ее не было целый год, я чуть было не сошел с ума, понимая, что перестал быть частью ее жизни. Но Тэйт вернулась, чтобы дать мне сдачи.

Читайте продолжение бестселлера «Агрессор».

УДК 821.111(73)

ББК 84 (7 Coe) 44

ISBN 978-5-17-119338-6

Copyright © 2013 Penelope Douglas

© Маркелова А., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ОТ АВТОРА

Я никогда не предполагала писать эту книгу.

Но после того, как был опубликован «Агрессор», я поняла, что история Джареда такая же важная, как и то, что происходило с Тейт. И, признаться честно, читатели очень хотели знать, что же думал обо всем он сам, и постоянно спрашивали об этом меня.

И за это я читателям бесконечно признательна. Мне очень нравилось писать эту книгу и наблюдать за тем, как Джаред взрослеет.

Хотя этот роман можно читать как отдельное произведение, я бы не советовала это делать. Если сначала вы познакомитесь с тем, как все представлялось Тейт, прочитав «Агрессора», получите больше удовольствия и еще сильнее захотите оказаться в голове у Джареда.

А еще я хотела бы успокоить тех, кто уже знает содержание первой книги. Потому что, когда повествование ведется с разных точек зрения, это не всегда так просто. К тому же никто не хочет стать объектом надувательства и дважды заплатить за одну и ту же историю.

Так что я очень старалась, чтобы они вышли разными.

Перед вами НЕ пересказ «Агрессора».

Это история Джареда.

Как всегда музыка вдохновила меня на создание и развитие характеров моих героев. Джаред полон злобы и негодования, непредсказуем. Потому разрываешься между желаниями оказаться от него как можно дальше или поддаться его мужскому обаянию. Этот плейлист и есть Джаред.

Criticize-Adelita's Way
Coming Down-Five Finger Death Punch
Adrenalize-In This Moment
Cold-Crossfade
Love-Hate-Sex-Pain-Godsmack
Heaven Nor Hell-Volbeat
I Don't Care-Apocalyptica
Wicked Game-Chris Isaak
Tears Don't Fall-Bullet for My Valentine
Bottom of a Bottle-Smile Empty Soul
Crazy Bitch-Buckcherry
Girl from the North Country-Lions
Pain-Three Days Grace
I Stand Alone-Godsmack
Beastie Boys-Fight For Your Right
Dearest Helpless-Silverchair
Raise the Dead-Rachel Rabin

Этот роман посвящен исключительно читателям.
Спасибо за то, что поверили в Джареда
и просили меня написать эту книгу.

ПРОЛОГ

Меня зовут Джаред.
Меня зовут Джаред.
Меня зовут Джаред.

Я повторял эти слова снова и снова, а сердце все так же бешено колотилось в груди. Мне хотелось пойти познакомиться с нашими новыми соседями, но я нервничал.

Теперь по соседству с нами жила девчонка — лет десяти, как и я. А еще она носила бейсболку и «чаксы»¹ — меня это позабавило. Другие девчонки в нашем районе так не одевались. К тому же, эта была хорошенькая.

Я облокотился на подоконник, разглядывая соседний дом — там горел свет и звучала музыка. В доме долго никто не жил, а совсем давно какие-то старики.

Между нашими участками росло огромное дерево, но это не мешало мне рассматривать соседское жилище сквозь зеленую листву.

— Эй, милый.

Я повернулся и увидел маму — она стояла на пороге моей комнаты, прислонившись к дверному косяку. Она улыбалась, но глаза у нее были влажными, а одежда — помятой.

¹ Модные кеды фирмы *Converse*. В разработке этой модели принял активное участие баскетболист Чак Тейлор.

Ей опять было плохо. Маме всегда становилось плохо, когда она прикладывалась к бутылке.

— Похоже, у нас появились соседи, — сказала она. — Ты с ними познакомился?

— Нет. — Я покачал головой и снова отвернулся к окну. Мне хотелось, чтобы мама ушла. — У них девочка. Мальчишек нет.

— А ты не можешь дружить с девочкой? — Ее голос дрогнул, и я услышал, как мама шумно слотнула. Я знал, что будет дальше, и внутри у меня все сжалось.

— Нет, не могу.

Я не любил с ней разговаривать. На самом деле, я и не знал как. Я часто оставался один, а сейчас она меня напрягала.

— Джаред... — начала мама, но фразу не закончила. Через мгновение я услышал удаляющиеся шаги, а потом в коридоре на первом этаже хлопнула дверь. Наверное, она пошла в ванную поплевать.

Моя мать много пьет, особенно по выходным. Внезапно мне расхотелось знакомиться со светловолосой девчонкой из соседнего дома.

Пусть она даже клевая и любит кататься на велике?

Или из ее комнаты слышится песня рок-группы *Alice in Chains*? Во всяком случае, мне казалось, что это была ее комната, хотя шторы были задернуты.

Решив выбросить это из головы и пойти приготовить себе поесть, я оторвался от подоконника. Маме, похоже, сегодня не до ужина.

Но тут я увидел, как шторы в соседнем доме раздвинулись, и застыл.

Я увидел ее. Это и правда была ее комната!

И, сам не знаю почему, я улыбнулся. Здорово, что наши окна смотрели друг на друга.

Я прищурил глаза, чтобы разглядеть девочку получше, пока она открывала двойные балконные

двери, но потом вытаращил их, увидев, что́ она делает.

Что? Она что, ненормальная?

Открыв окно, я высунулся из него и завопил в тишину ночи:

— Эй! Что ты делаешь?

Девчонка резко подняла голову и, размахивая руками из стороны в сторону, закачалась на ветке дерева, пытаясь сохранить равновесие. У меня перехватило дыхание. Я тут же вылез из окна и начал карабкаться по дереву к ней.

— Осторожнее! — снова закричал я, а она присела и ухватилась за толстую ветвь руками.

Я пробирался по дереву, держась за ветку над головой.

Тупица. О чем она думала?

Она стояла на четвереньках, глядя на меня большими голубыми глазами и вцепившись в ветку, которая ходила под ней ходуном.

— Нельзя лазить по деревьям одной, — сердито сказал я. — Ты чуть не упала. Иди сюда. — Я наклонился и схватил ее за руку.

В пальцах тут же появилось ощущение покалывания — такое бывает, когда рука немеет во сне.

Девчонка поднялась на дрожащих ногах, и я, держась за сук над головой, помог ей добраться до ствола, где ветви были толще.

— Зачем ты это сделал? — пожаловалась она, послушно следуя за мной. — Я умею лазить по деревьям. Ты напугал меня, и из-за этого я чуть не упала.

Мельком взглянув на девочку, я уселся на крепкую ветку ближе к стволу и вытер ладони о свои длинные, болотного цвета шорты:

— Ну да, конечно.

Я уставился вниз, на нашу улицу Фолл-Эвей-Лейн, но не мог отделаться от ощущения ее руки

в своей. Странное покалывание успело добраться до плеча и теперь охватило мое тело целиком. Мне казалось, будто все волоски на коже встали дыбом, и даже хотелось засмеяться, как от щекотки.

Девочка продолжала стоять и, вероятно, дулась на меня, но через несколько секунд опустилась рядом и тоже свесила ноги.

— Итак, — спросила она, показав на мой дом: — Ты там живешь?

— Ага. С мамой. — Я посмотрел на нее как раз в тот момент, когда девочка опустила глаза и принялась теревить свои пальцы.

Сначала она погрустнела, а потом вдруг наморщила брови, словно пытаясь не расплакаться.

Что я такого сказал?

На ней был тот самый комбинезон, в котором я видел ее сегодня, когда она вместе с отцом выносила вещи из машины, и девочка успела выпачкаться, но все равно выглядела такой чистенькой. А ее волосы были красиво распущены.

Минуту мы сидели молча, глядя на дорогу, слушающая, как ветер шелестит листьями вокруг нас.

По сравнению со мной девочка и впрямь казалась такой маленькой, — того и гляди упадет с ветки, не сумев на ней удержаться.

Уголки ее губ были опущены, и я не понимал, что ее так печалило. Я был уверен лишь в одном: никуда не уйду, пока ей не станет лучше.

— Я видел твоего папу, — начал я. — А мама где?

У девочки задрожала нижняя губа.

— Мама умерла весной, — призналась она, посмотрев на меня.

В ее глазах стояли слезы, но она глубоко дышала, словно старалась быть сильной.

У меня не было знакомых ребят, у которых умер кто-то из родителей, и мне даже стало стыдно из-за того, что мне не нравилась моя мать.

— А у меня нет отца, — сказал я, надеясь, что это подбодрит ее. — Он ушел, когда я был совсем маленьким. Мама говорит, что он нехороший человек. Твоя мама хотя бы не по собственному желанию тебя бросила, правда ведь?

Я знал, что несу чушь. Я не хотел вывернуть все так, словно ей повезло больше, чем мне. Просто мне казалось, что я обязан сделать все что угодно, чтобы она только повеселела.

Например, обнять ее — мне и правда хотелось это сделать.

Но я не стал.

— У твоего отца какая-то старая машина, — решил я сменить тему.

Не глядя на меня, девочка закатила глаза.

— Это «Шеви Нова», а не какая-то старая машина.

Я знал название модели, но хотел проверить, знает ли она.

— Мне нравятся машины. — Я скинул свои «дисы»¹, и они упали на землю, а она сделала то же самое со своими красными «чаксами». Мы сидели, болтая в воздухе голыми ногами. — Когда-нибудь я буду гоняться на Петле.

Девочка подняла на меня глаза:

— Петля? Что это?

— Это гоночный трек, куда пускают ребят постарше. Туда можно поехать, если ты учишься в старших классах и у тебя есть машина. Потом придешь за меня поболеть.

— А почему я сама не могу погонять? — У нее был возмущенный вид.

Она что, серьезно?

— Не думаю, что девчонкам разрешают гоняться, — объяснил я, пытаясь не расхохотаться.

¹ DC Shoes (англ.) — американская компания-производитель спортивной одежды.

Она сузила глаза и опять отвернулась к дороге.

— Ты сделаешь так, чтобы мне разрешили.

Я улыбнулся одними уголками губ, сдерживая смех.

— Может быть.

Ну конечно.

Она протянула мне руку:

— Я Татум, но все зовут меня Тэйт. Мне не нравится имя Татум. Понял?

Я кивнул, пожал ей руку и снова ощутил приятное покалывание.

— Я Джаред.

ГЛАВА 1

6 лет спустя

Кровь стекает по нижней губе на пол, оставляя след, похожий на длинную полоску алой краски. Я копил ее во рту, пока она сама не начала вытекать наружу, — сплевывать чертовски больно.

— Папа, пожалуйста, — молю я дрожащим голосом, меня трясет от страха.

Мама была права. Он плохой человек. И зачем я только уговорил ее отпустить меня к нему на лето?

Я стою на коленях на полу в его кухне, меня всего колотит, руки связаны за спиной. Колочая веревка врезается в кожу.

— Ты умоляешь меня, щенок? — рывкает он, и ремень снова опускается на мою спину.

Я зажмуриваюсь, сжимаюсь от боли, лопатки горят огнем. Закрыв рот, стараюсь не издавать ни звука, дышу носом, пока жжение не отступит. Кожа на губах кажется натянутой и распухшей, вязкий металлический привкус крови заполняет рот.

Тэйт.

Ее лицо всплывает в моей памяти, и я прячусь в тех уголках своего сознания, где есть она. Где мы с ней вместе. Ее солнечные волосы развеваются на ветру — мы карабкаемся на валуны у рыбного

пруды. Я всегда лезу вторым, на случай, если она оступится. Она смотрит на меня сверху вниз, и ее глаза, серо-голубые, как небо перед дождем, улыбаются.

Но голос отца прорывается через завесу воспоминаний.

— Не умоляй! Не проси прощения! Вот что я получил, позволив этой сучке растить тебя все эти годы! Ты ничто! Жалкий трус! Вот кто ты!

Он хватается за волосы и резко отводит мою голову назад, чтобы я посмотрел ему в глаза. Кожу под волосами пронзает боль. Мне становится дурно, когда я чувствую исходящий от него запах пива и сигарет.

— Хотя бы Джекс меня слушает, — цедит он сквозь зубы, и у меня сводит желудок от приступа тошноты. — Правда, Джекс? — кричит он, повернув голову.

Отец отпускает меня, подходит к морозильнику в углу кухни и стучит по дверце.

— Ты там жив еще?

Я пытаюсь сдержать слезы, и каждый нерв на моем лице сводит от боли. Я не хочу расплакаться или закричать, но Джекс, другой сын моего отца, провел в морозильнике уже почти десять минут. Целых десять минут, и до сих пор не издал ни звука!

Почему отец так поступает? Почему наказывает Джекса, хотя зол на меня?

Но я храню молчание, чтобы угодить отцу. Если он получит то, что хочет, возможно, выпустит моего брата. Джекс, наверное, совсем там замерз. Я даже не знаю, есть ли там воздух. Как долго можно продержаться в морозильнике? Может, он уже мертв.

Господи, он же еще совсем ребенок! Я моргаю, пытаюсь отогнать слезы. Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

— Итак... — Отец подходит к кухонному столу, за которым сидят его подружка Шерилин, идиотка с безумной прической, и приятель Гордон, жутковатый тип, который очень странно на меня смотрит.

Эти двое явно под наркотой и не обращают никакого внимания на то, что происходит с двумя беспомощными детьми.

— Что скажете? — Отец кладет ладони им на плечи. — Как же нам научить моего мальчика быть мужчиной?

Я вздрогнул и проснулся. Кровь глухо пульсировала в затылке и в голове. На плече блестела капля пота. Моргнув, я постепенно начал различать знакомую обстановку, стены.

Все в порядке. Я тяжело дышал. Их здесь нет. Это был просто сон.

Я дома. Здесь нет отца. Гордон и Шерилин остались в прошлом.

Все нормально.

Но мне необходимо было убедиться в этом.

Веки казались до жути тяжелыми, но я сел в кровати и поспешно осмотрелся. Утренний свет врывался в окно, слепящий, как луч прожектора, и я поднес руку к лицу, чтобы прикрыть глаза.

Барахло, которое обычно лежало на тумбочке, валялось на полу, но в этом не было ничего необычного — я всегда устраивал бардак, когда напивался. И если не обращать внимание на некоторый беспорядок, в комнате было тихо и спокойно.

Я сделал долгий выдох и снова набрал воздуха в грудь, пытаясь немного замедлить пульс, а сам продолжил инспектировать комнату. Только описав полный круг, мои глаза наконец остановились на выпуклости под одеялом рядом со мной. Пытаясь не обращать внимания на похмельную боль между

глаз, я приспустил одеяло, чтобы посмотреть, кого я по глупости — или по пьяни — оставил у себя дома на всю ночь.

Чудесно.

Еще одна гребаная блондинка.

О чем я, блин, думал вообще?

Блондинки были мне не по вкусу. Они всегда казались слишком хорошими. Ничего особенного или хотя бы сколько-нибудь интересного. Чересчур правильные.

Обычные милашки, такие обычно живут по соседству.

Кому такие нужны?

Но последние несколько дней — когда мне снова начали сниться кошмары — я буквально помешался на блондинках. Словно испытывал какую-то нездоровую тягу к саморазрушению из-за той единственной блондинки, которую так любил ненавидеть.

Однако... Надо признать, что эта девчонка под одеялом очень даже ничего. Гладкая кожа, красивая грудь. Она вроде говорила, что вернулась на лето из университета Пердью. А я вроде и не сказал ей, что мне шестнадцать и я еще учусь в школе. Может, ошарашить ее, когда она проснется. Исключительно ради забавы.

Я откинул голову на подушку. От боли я даже не мог улыбнуться, хотя меня позабавила мысль о том, в какой шок придет девица, узнав правду.

— Джаред? — Моя мать постучала в дверь, и я резко поднял голову и поморщился — так застучало в голове.

Лоб и виски разрывало так, словно кто-то всю ночь втыкал мне в голову вилку, и сейчас мне меньше всего хотелось иметь дело с матерью. Но я все равно встал с кровати, пока девчонка не проснулась. Приоткрыв дверь, я через щелку посмотрел на мать, призывая на помощь все свое терпение.

На ней были розовые штаны и облегающая футболка с длинными рукавами — по правде говоря, совсем неплохо для воскресенья, — но все, что выше, было как обычно запущено. Волосы кое-как собраны в пучок, тушь, не смытая накануне, размазана под глазами.

Еще неизвестно, у кого из нас похмелье было сильнее. Единственная причина, по которой мать встала раньше меня и уже бродила по дому, — это потому, что у нее в этом деле было больше опыта.

Однако стоило ей привести себя в порядок, как в глаза сразу же бросалось, что мама еще очень молодая. При первой встрече большинство моих друзей принимали ее за мою сестру.

— Что тебе надо? — спросил я.

Наверное, хочет, чтобы я ее впустил. Но об этом и речи быть не могло.

— Тэйт уезжает, — сказала она мягко.

Сердце глухо забилося у меня в груди.

Что, сегодня?

И вдруг словно чья-то невидимая рука распоролла мне живот, и я съежился от боли. Не знаю, похмелье было тому виной или слова матери, но мне пришлось сжать зубы, чтобы сдержать подступившую к горлу желчь.

— И что? — пробормотал я, явно переигрывая.

Мать закатила глаза.

— А то, что ты бы поднял задницу и попрощался с ней. Ее не будет целый год, Джаред. Вы когда-то дружили.

Точно, до того, как два года назад... Тогда летом, перед тем как пойти в девятый класс, я поехал к отцу, а вернувшись, понял, что я совсем одинок. Мать... я никогда не мог на нее положиться, отец оказался чудовищем, а Тэйт... разве она была моим другом?

Я покачал головой, а потом захлопнул дверь перед носом у матери.